

Хоттабыч родился на Севере

Общая газета. - 2000. - 23-29 нояб. - с. 14

Судьба автора знаменитой книги

Про старика Хоттабыча и Вольку знают очень многое, а вот про автора, которому в декабре исполнилось бы 97 лет... Занавес приоткрывает нам дочь писателя искусствовед Наталья ЛаГИНА.

— Ваш отец написал только одну книгу?

— Нет, конечно. Если бы вы интересовались фантастической литературой, вы бы никогда не прошли мимо его романов «Остров разочарования», «Патент АВ», «Трагический астероид», «Голубой человек»...

— Виноват. Утешает лишь то, что я не одинок в своих заблуждениях. Расскажите, откуда к нам явился писатель Лагин.

— Из Витебска, из нищей еврейской семьи. Дед гонял плоты по Западной Двине, работал продавцом в скобяной лавочке. Но все его пятеро детей — интеллигенты в первом поколении. Отец был старшим. Его настоящие имя и фамилия Лазарь Гинзбург. Он взял первые две буквы из имени, три из фамилии, получил псевдоним Лагин. Но Гражданскую он прошел под своей настоящей фамилией, потом поступил в Минскую консерваторию, сбежал из нее и окончил Плехановский институт и аспирантуру Института Красной профессуры. Кандидат экономических наук. Потом газета «За индустриализацию», «Правда»...

— Как же экономист превратился в писателя?

— Прозу отец писал с 20-х годов. В 1934-м вышла сатирическая книга «153 самоубийцы». Пригласили в «Крокодил», стал заместителем главного редактора — известнейшего публициста Кольцова. Кольцова арестовали, якобы как врага народа...

— А как же уцелел ваш отец?

— Чудом. Когда-то он поддержал молодого Фадеева, а тот в ответ вовремя предупредил об опасности и отправил «крестного отца» в командировку на Север. Мама рассказывала, что целый год почти каждый день чекисты приходили с ордером на арест (ордер был действителен только сутки). Отсиделся в холоде, продолжал там писать «Старика Хоттабыча». Потом вернулся, в 38-м начал печатать книгу в «Пионере» и «Пионерской правде». В 40-м вышла книга, но ее очень скоро изъяли, потому что арестовали художника Ротова, и не издавали до 57-го года.

— Отличался ли второй вариант, который стал классикой для советских детей, от первого?

— Классикой? Не уверена. Первый вариант мне нравится больше. Он менее многословен, политизирован, меньше второго в два раза.

— Ваш отец воевал в Отечественную?

— Он ушел добровольцем в морскую пехоту, служил в политуправлении армии. Участвовал в обороне Одессы, Севастополя, был на Малой Земле.

— Прозаик, поэт — в морскую пехоту?

— Да, он писал стихи, их хвалил Маяковский — в письмах просил писать больше. Отец ответил однажды: «Так, как вы, Владимир Владимирович, не могу, а хуже не хочется». О войне написал книгу «Три черноморца», которую хотели экранизировать, но запретила не цензура, а сам папа. Он вообще многое и себе, и другим запрещал. Работал на радио, принимал участие в популярнейшей передаче «Клуб знаменитых капитанов». В 1948-м закончил роман-памфлет «Патент АВ». Союзом писателей руководил тогда Николай Тихонов. Он вызвал к себе «не тихого» антисемита Анатолия Софронова и приказал печатать роман в «Огоньке» из номера в номер. За роман «Остров разочарования» отец был выдвинут на Сталинскую премию.

— Получил?

— Нет. Хотя многие тогда утверждали, что Катаев получит премию первой степени, а Лагин — второй. Просто это была весна 1953 года.

Сергей Зоничев

Что-то изменилось в самый последний момент. Фадеев утешал: «Лазарь, тебя здорово будут издавать в XXI веке».

— Значит, вот-вот?

— Не скажите... Литературным наследством владею я, но что-то, кроме Хоттабыча, пока не востребовано.

— Наш «экспресс» вспоминает не сделал важной остановки на станции «Семья».

— Семья распалась после войны. Мама вышла замуж за пресс-атташе югославского посольства. Потом мужа в Югославии арестовали, эта участь грозила и маме. Спас ее любимый Сталина писатель Николай Вирта, предложил руку и сердце. Андрей Кончаловский в своей книге «Низкие истины» пишет, что Татьяна Лагина была одной из трех самых красивых женщин Москвы. Но остаться с матерью я не смогла. Слышать каждое утро от отца: «жидовское отродье» — не слишком приятно. Ушла к отцу. А у него тоже была специфическая педагогика. Он давал деньги на учебу в музучилище, на уроки английского языка, а на шмотки не давал. Я, чтобы не выглядеть «чучелом», переписывала ноты. Но отец хорошо меня воспитал, я без него уже смогла крепко стоять на ногах.

— И все-таки почему мы так мало знали и знаем об авторе Хоттабыча?

— А он не высовывался. При всей своей безумной лени, он сидел и работал.

— Лени? В чем она выражалась?

— В чем угодно. Вместо того чтобы писать, он мог ходить в кино на три сеанса в день. Он мог бы написать в три раза больше, но предпочитал в 25-й раз посмотреть «Мою прекрасную леди». Его «подкармливал» «Детгиз». Присылал на рецензии рукописи. Однажды очень просили разругать рукопись молодых и еще никому не известных писателей Стругацких «Страна багровых туч».

— Разругал?

— А вот и нет! Послали на окончательное уничтожение, а получили восторженную оценку. В издательстве чуть не удавили, но книга вышла. Так родились Стругацкие.

— Как параллельно с отцом жили вы?

— Училась в школе, поступила в ГИТИС. Отец был в ужасе и настоял на уходе. Поступила в Ленинский институт, окончила его... Я благодарна отцу за его запрет, но училась я трудно. Меня все время называли товарищ Гинзбург...

— Антисемитизм в начале шестидесятых?

— Многие ушли. Остались только я и дочка Казакевича.

— Отец не рассказывал, как родился сюжет Хоттабыча?

— Нет. Я не люблю эту книгу.

— Миллионы любят, а вы?

— Имею право — как дочь.

— А вам не хотелось спросить?

— Он предпочитал задавать вопросы, а не отвечать на них.

— Почему?

— Вероятней всего, из-за врожденных черт характера и привнесенных тоже. Такая жизнь: две войны, аресты друзей, грядущий собственный арест. Он был трудным человеком. Однажды запустил в маму мед-

ной пепельницей. Попал чуть правее виска.

— В Литинституте я учился в семинаре Льва Кассиля. Его имя звучало громко, а имя вашего отца — нет. Почему?

— У Льва Кассиля я люблю только одну фразу: «Наша кошка тоже еврей?» Отец говорил: в нашей стране об одаренности человека нужно судить не по количеству наград, а по отсутствию оных. Он не был вхож в те места, в которых раздают премии. Ученики пытались помочь ему обрести «громкость». Например, Толя Алексин, будучи секретарем Союза писателей. И все же нужно было идти кому-то поклоняться, а он был гордым человеком и ни перед кем голову не гнул. А евреем быть немодно и в наше время.

— Он был в душе диссидентом?

— Как вам сказать. Он не мог не понимать, что творится вокруг, но предпочитал не говорить об этом. Во-первых, из-за замкнутости, во-вторых, из-за прослушки, установленной в доме во время процесса над Синявским и Даниэлем. Мы выходили на улицу и откровенно говорили только там. С горечью рассказывал, например, как готовил «посадки» Горький. Считал, что я должна запомнить все это. Это был 78-й год.

— Рассказывал, но не оценивал?

— У нас слишком многих посадили в семье. Такое не забывается. Требует коррекции своих желаний.

— Оценки оставались внутри?

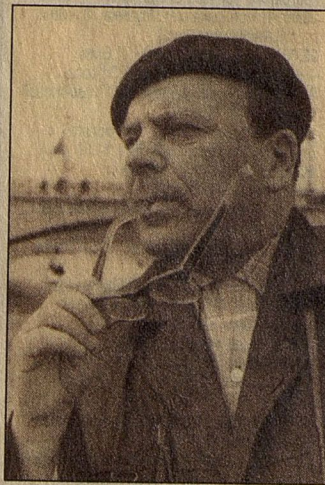
— Оценки давала я, а он кричал: «Тебя посадят! Мы с двоюродным братом — крупным физиком, учеником Андрея Сахарова читали «Континент». Он стучал в дверь и повторял: «Вас посадят обоих». Вот и судите сами, каким диссидентом был он.

— У него не было желания уехать в Израиль?

— Никогда.

— А как бы оценил он наше время?

— Не берусь домысливать за него. Он слишком близко принимал все к сердцу. Он умер в 75 лет. Инсульт до того было четыре, но умер от пятого. Уверена, что он бы не перенес распада страны, в создании которой принимал участие. Добивала смерть друзей, они умирали один за другим. Теперь уходы ранят меня. Это, вероятно, наследственное. Моя последняя рана — смерть Марка Галлая. Тяжело.

Наталья ЛаГИНА

Лазарь Лагин, Минск, 1971 г.

— А друзья отца, его ученики с путевками в жизнь остались вашими друзьями?

— Немногие помнят или помнили. Трудно с этим мириться. Не понимаю, как с этим мирился отец... Но были и есть другие. Стругацкие, например.

— Его и ваши учителя и любимые писатели?

— В доме их всегда было двое — Гоголь и Салтыков-Щедрин...

Мне писатель Лагин стал после этого разговора понятнее. Надеюсь, станет понятнее и читателю.

Геннадий ЖАВОРОНКОВ